

Евгений Глинский

Национальный исторический архив Беларуси, Минск, Беларусь

«Стать шляхтой»: бояре несвижско-случского региона в XVIII – начале XIX в.

Streszczenie: Artykuł omawia proces przeniesienia bojarów (chłopów odpowiedzialnych za dostawę towarów i korespondencji) do ziemiańskich obowiązków w prywatnych i kościelnych majątkach regionu nieświesko-słuckiego w XVIII wieku. Autor wyznacza i analizuje możliwości takich przemian, zauważa, że w posiadłościach książąt Radziwiłłów większość bojarów przeszła na służbę ziemiańską w połowie XVIII wieku. W majątkach kościelnych bojarzy jako odrębna grupa ludności przetrwali do końca XVIII wieku, chociaż stopniowo łączyli się względem obowiązków z chłopstwem czynszowym. Pomimo przeważnie chłopskiego pochodzenia bojarów osiągnięcie przez nich statusu ziemiańskiego pozwoliło im ubiegać się o uznanie za szlachtę pełnoprawną. W XIX wieku podczas „rozbioru szlachty” przeprowadzonego przez władze rosyjskie pewna część bojarów zdążyła otrzymać urzędową legitymację (*dworianstwo*), z reguły drogą mistyfikacji własnego pochodzenia i fałszowania dokumentów potwierdzających przynależność do szlachty. W niektórych przypadkach z tych przyczyn rody pochodzenia bojarskiego zmieniały nawet własne nazwiska.

Słowa kluczowe: bojarzy, ziemianie, szlachta, Radziwiłłowie, inwentarze, „rozbiór szlachty”, legitymacja

В XVII–XVIII вв. в частновладельческих и костельных имениях Великого Княжества Литовского крестьяне-слуги, основной повинностью которых являлась доставка грузов и корреспонденции в другие имения, преимущественно назывались боярами¹. Подобных бояр крестьянского происхождения следует отличать от бояр-шляхты, также проживавших в панских имениях и, как правило, несших военную службу. В этот период наиболее распространенным наименованием для обозначения последних стал термин «земяне»². Территорией со значительной до-

¹ А. Б. Доўнар, *Сяляне-служы Беларусі другой паловы XVI – сярэдзіны XVIII ст.*, Мінск 2007, с. 47–48.

² Т. І. Забела, *Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства*, Мінск 1928, с. 119–121; А. П. Грицкевич, *Хозяйственное и правовое положение военно-*

лей землянского и боярского населения являлись владения князей Радзивиллов в Центральной Беларуси – Несвижская ординация, Слуцкое, Копыльское и Клецкое княжества, Тимковичское графство. На протяжении XVII–XVIII вв. на этих землях наблюдался достаточно интенсивный процесс перехода бояр на землянскую службу. Более того, уже в XIX в., после разделов Речи Посполитой, во время проводимого российскими властями «разбора шляхты» часть бояр смогла даже утвердиться в дворянском сословии, доказав свое шляхетское происхождение.

В имении Островчицы³ Клецкого княжества в середине XVII в. бояре жили в селе Мороч⁴, а также в ряде отдельных боярских сел (будущих застенках). Комплекс повинностей всех бояр в то время был одинаков. Прежде всего, к ним относились доставка писем (листов) и участие в облавах на зверя⁵. Ситуация изменилась в конце XVII – начале XVIII в. Традиционные боярские обязанности сохранились за жителями Морочи, в то время как бывшие бояре из застенков стали землянами и были освобождены от листовной повинности и отработки гвалтов. Новая раскладка повинностей была отражена уже в инвентаре от 1713 г. Более того, в нем отмечалось, что ранее жители застенков доставляли корреспонденцию и выполняли другие повинности в соответствии со «старой уставой», которая теперь утратила силу. С этого момента новые земляне выплачивали только чинш в 30 злотых с волоки земли. Этот налог был больше боярского чинша (последний насчитывал 20 злотых)⁶. В условиях восстановления разрушенных во время Северной войны имений увеличение числа чиншевых хозяйств было достаточно распространенным явлением⁷. Очевидно, подобные мотивы (получение готовых денежных средств в виде чинша) и обусловили отказ от традиционных повинностей в отношении части бояр. При этом даже некоторые роды, жившие в середине XVII в. в селе Мороч (Турчиновичи и Евхимовичи), к началу XVIII в. переселились в застенок Узнога⁸, что повлекло за собой превращение их в землян еще в этот период. Таким образом, из традиционных

служилого населения в Слуцком княжестве в XVI–XVIII вв., „Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.”, Минск 1964, с. 243–244; W. Sienkiewicz, *Ziemianie zależni w Wielkim Księstwie Litewskim od połowy XVII do połowy XVIII wieku. Studium z dziejów feudalizmu litewskiego: maszynopis pracy doktorskiej*, Warszawa 1982, s. 13–20; А. Б. Доўнар, *Сяляне-слугі Беларусі...*, с. 28–33; A. Vasiliauskas, *Local Politics and Clientage in the Grand Duchy of Lithuania 1587–1632: Ph. D. Thesis*, London 2001, p. 185–189.

³ Ныне Островчицы (белорус. Астроўчыцы) – деревня Заостровечского сельсовета Клецкого района Минской области Республики Беларусь.

⁴ Ныне Морочь (белорус. Морач) – агрогородок, центр Морочского сельсовета Клецкого района Минской области Республики Беларусь.

⁵ Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далее: НГАБ), фонд 694, вопіс 2, справа 6085, аркушы 12 адв.–14.

⁶ Ibidem, ф. 694, воп. 2, спр. 6089, арк. 16 адв.–18, 41 адв.

⁷ *Гісторыя сялянства Беларусі*, Минск 1997, т. 1, с. 150–151.

⁸ Ныне Узнога (белорус. Узнога) – деревня Морочского сельсовета Клецкого района Минской области Республики Беларусь.

бояр в Морочи остались только две сильно разветвленные фамилии – Жибуртовичи и Кореневичи (со временем превратившиеся в Кореневских). Боярский статус они сохраняли даже в середине XVIII в., а на землянскую службу были окончательно переведены только во второй половине этого столетия⁹.

Также в начале XVIII в. на землянские повинности начали переводиться бояре в имении Могильно¹⁰, входившем в состав Несвижской ординации. Здесь крестьяне-слуги впервые названы боярами в инвентаре от 1602 г. В нем одновременно фигурируют бояре Луцевичи, проживавшие возле деревни Литва¹¹, и земляне, находившиеся в деревне Подшацы (Подсадские)¹². Разница между ними в данном случае ярко прослеживается по повинностям. Если обязанностью землян являлась только военная служба, то Луцевичи выплачивали чинш, должны были доставлять корреспонденцию, участвовать в охотах в пользу двора и сдавать половину собранного меда¹³. Боярский статус деревня Луцевичи сохраняла на протяжении большей части XVII в., в XVIII в. она уже считалась застенком, повинности жителей которого полностью соответствовали землянским¹⁴. Трансформация статуса сопровождалась изменениями в составе населения Луцевичей. До этого его жителями были преимущественно носители данной фамилии, затем на опустевшие во время Северной войны наделы начали переселяться как выходцы из других населенных пунктов Могильнянского имения (Жагалковичи), так и земляне из иных владений (например, Татуры)¹⁵.

⁹ Lietuvos valstybės istorijos archyvas (далее: LVIA), f. 1280, ap. 1, b. 1217, l. 2–2 v.; b. 1218, l. 78, 85.

¹⁰ Ныне Могильно (белорус. Магільна) – агрогородок, центр Неманского сельсовета Узденского района Минской области Республики Беларусь.

¹¹ Ныне Литва (белорус. Літва) – деревня Неманского сельсовета Узденского района Минской области Республики Беларусь. В дальнейшем боярское поселение стало отдельной деревней с названием Луцевичи (иначе Лазаровщина; см. В. В. Урублеўскі, *Інвентар маёнтка Святы Двор Наваградскага ваяводства за 1756 г.*, „Архіварыус” 2011, Вып. 9, с. 102).

¹² Ныне Подсадские (белорус. Падсадскія) – деревня Узденского сельсовета Узденского района Минской области Республики Беларусь. О ранней истории могильнянских землян-шляхты см. М. М. Siekierski, *Landed Wealth in the Grand Duchy of Lithuania. The Economic Affairs of Prince Nicholas Christopher Radziwiłł: Dissertation of Doctor of Philosophy*, Berkeley 1984, p. 154–158.

¹³ НГАБ, КМФ 5, воп. 1, спр. 2484, арк. 2–3. «Половинный мед» был типичной крестьянско-боярской повинностью (П. А. Лойка, *Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі. Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI–XVIII ст.*, Мінск 1991, с. 43–44; А. Б. Доўнар, *Сяляне-слугі Беларусі...*, Мінск 2007, с. 93–94). Явственно неземлянский характер «половинного меда» определен в инвентаре имения Койданов Минского повета от 1657 г., где отмечалось, что мед должны выдавать только бояре, а земляне к исполнению этой повинности никогда не привлекались и привлекаться не будут (НГАБ, КМФ 5, воп. 1, спр. 4014, арк. 40).

¹⁴ НГАБ, КМФ 5, воп. 1, спр. 2489, арк. 29; спр. 2491/1, арк. 19.

¹⁵ Татуры чрезвычайно часто встречались среди жителей радзивилловских владений в Новогрудском воеводстве. В конце XVII ст. ближайшим к Могильному местом их компактного проживания было имение Старица Копыльского княжества (НГАБ, КМФ 5, воп. 1, спр. 4070, арк. 65, 67, 69; W. Sienkiewicz, *Ziemiańskie zaleźni...* s. 324).

Что касается древних луцевичских бояр, то наиболее разветвленным родом среди них являлись собственно Луцевичи¹⁶. Возможно, землянами они стали в конце XVII в. По крайней мере, в 1692 г. представители рода получили привилей подканцлера ВКЛ князя Кароля Станислава Радзивилла на застенек Лазаровщина (Луцевичи) с условием несения с него военной (земьянской) службы¹⁷. В конце XVIII ст. Луцевичи внесли в акты книги квиты о выставлении в 1684 и 1698 гг. «похолка» в надворную хоругву К. С. Радзивилла, а в 1703 г. вообще о прибытии на посполитое рушенье¹⁸, что должно было бы свидетельствовать об их принадлежности к землянам уже в 80-х гг. XVII в. Этому, однако, противоречит то, что в инвентаре от 1690 г. они по-прежнему назывались боярами, сидящими на чинше¹⁹. Так или иначе, в XVIII ст. Луцевичи были бесспорными землянами. Достижение землянского статуса содействовало увеличению их мобильности. После Северной войны представитель рода Самуэль осел в застенке Кочановичи²⁰ Несвижской ординации, его потомки продолжали там жить в начале XIX в. При этом они не утратили чувства родового единства с могильнянскими Луцевичами и в 1802 г. производили совместный с ними вывод (доказательство) шляхетства в Российской империи²¹.

Кроме Луцевичей, в инвентарях XVII в. в числе луцевичских бояр упоминались Кисели. При «разборе шляхты» в 1802 г. могильнянские Кисели делали общий вывод шляхетства с носителями той же фамилии, жившими в застенке Свериново (Свираново)²² в размещенном поблизости имении Николаевщина²³. В это время своими предками они выставляли господарскую шляхту Киселей, в конце XVII в. проживавшую в Мстиславском и Минском воеводствах²⁴. Это определенно не соответствовало действительности. В Луцевичах Мартин Кисель был показан еще в 1646 г.²⁵ Однако единое происхождение луцевичских и свериновских Кисе-

¹⁶ В 1602 г. в деревне насчитывалось 6 отдельных хозяев с такой фамилией (НГАБ., КМФ 5, воп. 1, спр. 2484, арк. 2).

¹⁷ НГАБ, фонд. 319, воп. 1, спр. 32а, арк. 335 адв.; ф. 694, воп. 4, спр. 1343, арк. 208–208 адв.; ф. 1727, воп. 1, спр. 32, арк. 290–291 адв. В тексте привилей, вписанном в 1795 г. в книги Минского градского суда, Иван, Базылий и Ян Луцевичи называются «земьянами». Не исключено, что этот документ и отражал момент их перехода на землянскую повинность. В 1690 г. те же люди (обозначенные соответственно как Иван, Васька и Яська) еще показаны боярами (Ibidem, КМФ 5, воп. 1, спр. 2489, арк. 29).

¹⁸ Ibidem, ф. 319, воп. 2, спр. 1869, арк. 354–357.

¹⁹ Ibidem, КМФ 5, воп. 1, спр. 2489, арк. 29.

²⁰ Ныне Кочановичи (белорус. Качановічы) – деревня Ланского сельсовета Несвижского района Минской области Республики Беларусь.

²¹ НГАБ, КМФ 5, воп. 1, спр. 2672/2, арк. 10; спр. 2675/2, арк. 12–13, 56–57; ф. 319, воп. 1, спр. 32, арк. 335–337 адв.; воп. 2, спр. 1869, арк. 10–13, 358, 361–366; ф. 694, воп. 4, спр. 1343, арк. 87–88.

²² Ныне Свериново (белорус. Свєрынава) – деревня Николаевщинского сельсовета Столбцовского района Минской области Республики Беларусь.

²³ Ныне Николаевщина (белорус. Мікалаеўшчына) – деревня, центр Николаевщинского сельсовета Столбцовского района Минской области Республики Беларусь.

²⁴ НГАБ, ф. 319, воп. 1, спр. 32, арк. 58 адв.–59.

²⁵ Ibidem, КМФ 5, воп. 1, спр. 2485, арк. 23.

лей выглядит достаточно вероятным. Во второй половине XVIII в. из Сверинова в имении Негорелое²⁶ Минского повета переселился Михал Кисель, в начале следующего столетия его сын Казимир называл своими родственниками Киселей из имения Могильно²⁷. Свериновские Кисели на конец XVII в. находились на землянской службе²⁸, а их луцевичские сородичи в это время только проходили стадию трансформации из бояр в земляне. При этом в первой половине XVII в. Кисели из застенка Свериново вообще выполняли повинности чиншевых крестьян²⁹. Зато в 1587 г. носители этой фамилии были радзивилловскими землянами в Свержане³⁰. Таким образом, социальное положение Киселей в этот период было весьма неопределенным. Возможно, оно зависело от статуса (землянского или боярского) того населенного пункта, где они проживали.

В отличие от деревни Луцевичи, другое боярское поселение – Головачи³¹ – не превратилось в землянский застенок и до конца XVIII в. сохраняло боярский статус³². Более того, в первой половине XVII в., до войны 1654–1667 гг., местные жители были даже не боярами, а относились к иной группе крестьян-слуг – их повинностью являлся надзор за состоянием лесов³³. Затем они стали писаться боярами, а комплекс их обязанностей оставался отличным от землянского. Например, в 1730 и 1756 гг. все могильнянские земляне платили чинш (поконщину), а жители Головачей, кроме денежного оброка, должны были выдавать мед, а также выходить на гвалты и толоки³⁴. Как и в случае Луцевичей, большинство жителей деревни Головачи носило соответствующую фамилию. Несмотря на стабильно боярский характер родового гнезда, отдельные представители рода достигали землянского положения. В 1722 г. Ян Головач вместе с другими землянами получил подтврдительный привилей княгини Анны Катерины Радзивилл на 5 волок земли в ординатском застенке Затурья³⁵ (с условием несения с него военной службы)³⁶. Такое социальное возвышение на-

²⁶ Ныне Негорелое (белорус. Негарэлае) – агрогородок, центр Негорельского сельсовета Дзержинского района Минской области Республики Беларусь.

²⁷ НГАБ, ф. 694, воп. 4, спр. 1421, арк. 29. В этот период Кисели в имении Могильно жили уже не в деревне Луцевичи, а в застенке Подсадские (Ibidem, КМФ 5, воп. 1, спр. 4316/1, арк. 28).

²⁸ Ibidem, КМФ 5, воп. 1, спр. 2401, арк. 11.

²⁹ Ibidem, спр. 2666, арк. 303–307.

³⁰ M. M. Siekierski, *Landed Wealth...*, p. 156.

³¹ Ныне Головачи (белорус. Галавачы) – деревня Неманского сельсовета Узденского района Минской области Республики Беларусь.

³² НГАБ, КМФ 5, воп. 1, спр. 4316/1, арк. 22–25.

³³ Ibidem, спр. 2485, арк. 45.

³⁴ Ibidem, спр. 2491/1, арк. 15; спр. 2492/1, арк. 28–29; В. В. Урублеўскі, *Інвентар маёнтка Святы Двор...*, с. 106–107.

³⁵ Ныне Затурья (белорус. Затур’я) – деревня Сейловичского сельсовета Несвижского района Минской области Республики Беларусь.

³⁶ НГАБ, ф. 694, воп. 4, спр. 1352, арк. 69 адв.–70 адв.; *Гербоўнік беларускай шляхты*, Мінск 2016, т. 4, с. 63. Еще в 1690 г. в Затурье не было землян Головачей (впрочем, как и иных адресатов привилей от 1722 г. – Лукьяновичей, Неваровских, Лазовских, Ожегалских, Некрашевичей; НГАБ, КМФ 5, воп. 1,

шло символическое продолжение в XIX в. От получателя документа на землянский надел начали выводиться Головачи, не являвшиеся его прямыми потомками и продолжавшие жить на боярских волоках в одноименной деревне. Например, в выводе ад 1802 г. сыном Яна назывался Бенедикт, в действительности этот человек был сыном Леона, по состоянию на 1756 г. державшего 2/9 боярской волоки в Головачах³⁷. Такие манипуляции с родословием объяснимы – «происхождение» от землянина Яна предоставляло боярам Головачам основания для доказательства шляхетства.

Однако Ян Головач (как и его настоящие, а также воображаемые потомки) был не единственным представителем рода, достигшим в XVIII в. землянского статуса. В 10-х гг. XVIII в. Андрей Головач-Русецкий приобрел у землян Занкевичей застенки Котлубаевский возле местечка Могильно³⁸. Уже в инвентаре от 1730 г. держатели этого застенка показаны исключительно как Русецкие, а в дальнейшем с этой фамилией фигурировали земляне из застенка Язвины³⁹. Таким образом, род Головачей настолько разросся, что некоторые его члены начали употреблять придомки, затем преобразовавшиеся в самостоятельные фамилии. То же произошло еще с несколькими ветвями «широкого» рода Головачей. Например, в инвентаре от 1730 г. в деревне Головачи были показаны жители с фамилией «Балтрущик». В данном случае это патронимик. В 1690 г. в Головачах жил Балтроем Головач, имевший сыновей Семена и Федора (Хведора). В свою очередь, дым Балтрушиков в 1730 г. возглавлял именно Хведор⁴⁰. Несомненно, что это был младший сын Балтроема Головача, фамилия которого была создана от уменьшительной формы имени отца (Балтроем – Балтрук). Получается, что Балтрушки⁴¹ являлись еще одним ответвлением боярского рода Головачей. В XVIII в. землянского статуса они так и не достигли – до разделов Речи Посполитой остались на боярской службе. Неизменный социальный статус, однако, сопровождался еще одной сменой фамилии. В инвентаре от 1789 г. и ревизских сказках 1795 и 1811 гг. Балтрушки стали фигурировать как «Боровские». Например, в 1795 и 1811 гг. в соседних дворах показаны семьи Андрея и Томаша Михаловичей Боровских, а в инвентаре от 1756 г. среди детей Ми-

спр. 2670/2, арк. 51). Вероятно, они получили в ленное держание наделы, обезлюдевшие в результате Северной войны.

³⁷ НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 790, арк. 111–112 адв. (вывод от 1802 г., где Бенедикт (с детьми Григорием, Игнатием и Стефаном) назван сыном Яна из застенка Затурья); ф. 333, воп. 9, спр. 210, арк. 195 (ревизская сказка ад 1811 г., в которой Бенедикт (с теми же детьми) показан сыном Леона); КМФ 5, воп. 1, спр. 2492/1, арк. 28–29 (инвентарь от 1756 г., где среди сыновей Леона Головача фигурирует Бенедикт).

³⁸ НГАБ., ф. 694, воп. 4, спр. 1352, арк. 85–86.

³⁹ Ныне Язвины (белорус. Язвіны) – деревня Неманского сельсовета Узденского района Минской области Республики Беларусь. НГАБ, КМФ 5, воп. 1, спр. 2491/1, арк. 10, 20; спр. 4316/1, арк. 26.

⁴⁰ *Ibidem*, спр. 2489, арк. 24–25; спр. 2491/1, арк. 15.

⁴¹ В 1756 г. они названы «Бутрушиками» (*Ibidem*, спр. 2492/1, арк. 28–29).

хала Балтрушика записаны Андрей и Томаш. В 1795–1811 гг. в Головачах жил Ян Алексеевич Боровский, а в 1756 г. среди сыновей Алексея Балтрушика были Янка и Ян – соответственно, кто-то из этих двух указан в ревизских сказках. В 1806 г. в Головачах умер Габрусь, сын Деньки (!) Боровского, а в 1756 г. в семье Данилы Балтрушика значился сын Габриэль⁴².

В контексте «разбора шляхты» смысл замены фамилии «Балтрушик» на «Боровский» представляется достаточно прозрачным. В выводе от 1812 г. бывшие Балтрушики выставляли себя потомками Боровских, в первой половине XVIII ст. владевших имением Козельщина Минского воеводства⁴³. В действительности же Балтрушики в XVIII в. были могильнянскими боярами, поэтому никаких документов о владении имениями не могли иметь. В таком случае ради подкрепления шляхетского происхождения и потребовалось изменение фамилии. Тем не менее, само по себе оно не было инспирировано российским «разбором шляхты». Как уже отмечалось, Балтрушики превратились в Боровских еще в 1789 г., то есть до занятия Российской империей данных территорий. Вероятно, в случае Балтрушиков толчком для смены фамилии стали внутренние ревизии, проводившиеся администрацией имения Могильно. Во время одной из них Балтрушики могли попробовать скрыть свои боярские корни и при помощи манипуляций с фамилией войти в состав более престижного землянского сообщества.

Судьба бояр деревень Луцевичи и Головачи отражает два пути включения бояр в число землян. Первый из них (Луцевичи) предусматривал постепенное уравнивание бывшей боярской деревни с землянскими поселениями в повинностях и обязанностях. Это, в целом, соответствует прослеженному в научной литературе процессу формирования в XVIII св. единой повинностной группы землянско-боярского населения⁴⁴. Во втором случае (Головачи) деревня до конца существования Речи Посполитой оставалась на боярской службе, только отдельные выходцы из нее получали землю на землянском праве или переселялись в землянские застенки. В значительной степени необходимость пополнения землянских рядов была связана с катастрофическими последствиями войн середины XVII – начала XVIII в. Так, после московского нашествия в войну 1654–1667 гг. в землянском застенке Подсадские пустовало 25 из 30 волок⁴⁵. В такой ситуации требовалось привлекать на землянскую службу новых

⁴² Ibidem, спр. 2492/1, арк. 28–29; спр. 4316/1, арк. 22–25; ф. 333, воп. 9, спр. 210, арк. 195 адв.–196.

⁴³ Ibidem, ф. 319, воп. 1, спр. 812, арк. 32–33 адв.; воп. 2, спр. 224, арк. 128–131; *Гербоўнік беларускай шляхты*, Мінск 2007, т. 2, с. 172–174 (например, в поколенной росписи № 17 – Андрей Михалович – это упомянутый выше сын Михала Балтрушика, в выводе от 1812 г. сыновьями Андрея показаны Ян, Леон и Юзеф, из них Ян и Леон значатся в ревизской сказке 1795 г., ср.: НГАБ, ф. 333, воп. 9, спр. 210, арк. 196 адв.).

⁴⁴ Наиболее подробный анализ см. А. Б. Доўнар, *Сяляне-служы Беларусі...*, с. 53–55, 70.

⁴⁵ НГАБ, КМФ 5, воп. 1, спр. 2487, арк. 3.

людей. Естественно, близкие к землянам в плане обязанностей бояре стали одним из главных источников при восстановлении численности землянского сообщества.

В начале XVIII в. бояре проживали также в застенке Отцеды⁴⁶ (8 семей), относившемся к одноименному фольварку Несвижской ординации⁴⁷. Часть его жителей (Довнары⁴⁸, Живицы, Прибыткевичи, Трусевичи) определенно происходила из соседних радзивилловских владений, где носители данных фамилий к этому времени уже считались землянами. Гнездом рода Живиц были находившиеся в Минском повете Рубежевичи⁴⁹. Уже в 1620 г. среди тамошних землян значился Ян Живица⁵⁰. Трусевичи, кроме Отцеды, проживали в имении Ишкольд⁵¹ и находившемся возле него фольварке Лысица⁵². В них они относились к землянам уже во второй половине XVII в.⁵³ Кроме того, они в 1699 г. получили подтвердительный привилей князя Кароля Станислава Радзивилла на землю в застенке Копцевский⁵⁴ (фольварк Лысица) с условием несения землянской службы⁵⁵. Однако на их сородичах из Отцеды эти изменения никак не отразились – они по-прежнему считались боярами.

Повышение статуса отдельных боярских родов Отцеды пришлось на середину XVIII в. Первыми на землянские повинности были переведены Прибыткевичи (Прибытки). В 1756 г. Доминик Прибыткевич получил привилей князя Михала Казимира Радзивилла на 5 волок с условием выставления 1 землянского коня⁵⁶. Несмотря на то, что фактическим адресатом документа являлся лишь один из представителей фамилии, инвентарь того же года называет землянами всех Прибыткевичей⁵⁷. Более того, в нем отдельно отмечено, что они отделяются от бояр и находятся на землянской службе в соответствии со «старым привилеем». Действительно в инвентаре имения Койданов Минского повета от 1620 г. упоминается землянин Петр Прибыток, державший по листу от князя Радзивилла 20 волок земли⁵⁸. Вероятно,

⁴⁶ Ныне Отцед (белорус. Атцэда) – деревня Заямновского сельсовета Столбцовского района Минской области Республики Беларусь.

⁴⁷ Ibidem, КМФ 5, воп. 1, спр. 2812, арк. 6.

⁴⁸ Об этом исключительно разветвленном землянско-боярском роде см. *Гербоўнік беларускай шляхты*, Мінск 2018, т. 5, с. 413–496.

⁴⁹ Ныне Рубежевичи (белорус. Рубяжэвічы) – агрогородок, центр Рубежевичского сельсовета Столбцовского района Минской области Республики Беларусь.

⁵⁰ Ibidem, спр. 1697, арк. 256; ф. 694, воп. 7, спр. 994, арк. 107–108 адв.

⁵¹ Ныне Ишкольд (белорус. Ішкалдзь) – деревня Крошинского сельсовета Барановичского района Брестской области Республики Беларусь.

⁵² Ныне Великая Лысица (белорус. Вялікая Лысіца) – деревня Городейского сельсовета Несвижского района Минской области Республики Беларусь.

⁵³ НГАБ, КМФ 5, воп. 1, спр. 1385, арк. 18 адв.; W. Sienkiewicz, *Ziemiańskie zaleźni...*, s. 326.

⁵⁴ Ныне Коптевшина (белорус. Копцеўшчына) – деревня Городейского сельсовета Несвижского района Минской области Республики Беларусь.

⁵⁵ НГАБ, Ф. 319, воп. 2, спр. 3269, арк. 28.

⁵⁶ Ibidem, ф. 694, воп. 4, спр. 1352, арк. 10–11.

⁵⁷ Ibidem, КМФ 5, воп. 1, спр. 2814/2, арк. 5–7.

⁵⁸ Ibidem, спр. 1697, арк. 121.

именно этот документ и стал тем «старым привилеем», на основании которого Прибыткевичи из Отцеды были переведены в земяне. Действительно ли отцедовские Прибыткевичи происходили от указанного койдановского земянина, установить не представляется возможным. Так или иначе, именно Прибыткевичи первоначально стали единственными земянами в Отцедо.

Однако инвентарь, датированный следующим (1757) годом, рисует несколько иную картину. В качестве держателей земянских наделов указаны не только Прибыткевичи, но также один из Богданкевичей (Ежи) и оба Трусевича (Кароль и Александр). Все они охарактеризованы как «участники⁵⁹ земянского грунта, пожалованного привилеем пану Доминику Прибыткевичу»⁶⁰. Сложно сказать, что именно предопределило фактический переход на земянскую службу не только Прибыткевичей, но также Трусевичей и одного из Богданкевичей⁶¹. Все остальные жители Отцеды по-прежнему относились к боярам.

Следующим боярским родом, переведенным на земянские повинности, стали Живицы. В инвентаре от 1750 и 1756 гг. их фамилия передавалась в форме «Жи-вицкие», именно она стала доминирующей в дальнейшем⁶². Перевод Живиц (Жи-вицких) в земяне относится к 1761 г., когда представитель рода – Петр – получил привилей на 5 волок в застенке Отцедо на условиях, идентичных с обозначенными в документе для Прибыткевичей⁶³. Однако, в отличие от Прибыткевичей, в данном случае апелляция к более ранним документам не производилось. При этом Петр Живицкий в привилее назван «благородным», что свидетельствовало о признании радзивилловской администрацией его шляхетского достоинства. В начале XIX в. во время производившегося российскими властями «разбора шляхты» отцедовские Живицкие выводили свое происхождение из Брестского воеводства – от рода Жи-вицких, действительно проживавшего на Брестчине⁶⁴. Вероятно, именно необходимость подтвердить свою принадлежность к шляхетскому сословию (что в случае бояр было далеко не очевидно) и вынудило Живиц изменить свою фамилию.

Не только Живицы стремились продемонстрировать общее происхождение с родами, относившимся к поветовой шляхте или хотя бы являвшимися земянами. Прибыткевичи еще в 1751 г. получили свидетельство о родстве от Прибытков из

⁵⁹ То есть имеющие часть.

⁶⁰ НГАБ, КМФ 5, воп. 1, спр. 2815/2 арк. 8. Ежи Богданкевич показан как держатель 3/4 «земянской» волоки уже в 1756 г., но тогда он по-прежнему описывался как «боярин» (Ibidem, спр. 2814/2, арк. 5).

⁶¹ Второй Богданкевич – Ян – по состоянию на 1757 г. оставался боярином.

⁶² Ibidem, спр. 2813, арк. 10; спр. 2814/2, арк. 5. При этом в инвентаре от 1757 г. они по-прежнему именовались Живицами (Ibidem, спр. 2815/2, арк. 8.).

⁶³ Ibidem, ф. 694, воп. 4, спр. 1352, арк. 57–58.

⁶⁴ Ibidem, ф. 319, воп. 1, спр. 809, арк. 57–61; Е. К. Анищенко, *Шляхта Брестского воеводства. Список XVIII ст.*, Минск 2011, с. 96.

Минского повета⁶⁵. Более того, уже во время российского «разбора шляхты» отцедовские Прибытки (Прибыткевичи) подавали документы (производили вывод шляхетства) вместе со своими минскими однофамильцами⁶⁶. Не исключено, что они действительно были родственниками. Однако степень их родства, указанная в выводе шляхетства, была несомненно фальсифицирована. Упоминаемый в инвентаре фольварка Отцеда от 1702 г. Ян Прибыткевич (отец Доминика – адресата привилея от 1756 г.) в выводе выставлялся сыном Михала Прибытки, который на рубеже XVII–XVIII вв. сам еще был молодым человеком⁶⁷ и не мог иметь взрослого сына.

Трусевичи из Отцеды во время легитимации в Российской империи в 1815 г. ссылались на родство с одноименными землянами из Ишколди и Лысицы (в 1787 г. получили от последних соответствующее свидетельство⁶⁸), что является достаточно вероятным. Но они на этом не остановились – при «разборе шляхты» Трусевичи выводили себя от благородного Самуэля Трусевича (по состоянию на 1680 г. находившегося на службе у подкомория полоцкого Януша Зеновича) и его сыновей Самуэля и Фабиана⁶⁹. Документы на этих лиц были целенаправленно взяты из актовых книг Главного Трибунала ВКЛ Минской каденции и Минского гродского суда незадолго до начала процесс легитимации. Сыновьями вышеупомянутого Фабиана будто бы являлись отцедовские бояре, а затем земляне Александр, Кароль и Ежи Трусевичи (двое первых упоминаются в инвентарях 1750–1757 гг.⁷⁰). В действительности их отцами были Базылий или Ян Трусевичи, показанные в инвентаре от 1702 г.⁷¹

Данные примеры иллюстрируют, какими способами жители Отцеды стремились скрыть свое боярское родословие. Позже всех подобные манипуляции были осуществлены представителями рода Богданкевичей. Во время «разбора шляхты» они превратились в Богдановичей⁷². Это было необходимо для того, чтобы выве-

⁶⁵ НГАБ, Ф. 319, воп. 2, спр. 2631, арк. 97–97 адв.

⁶⁶ Ibidem, арк. 96–99 адв.

⁶⁷ В 1696 г. он вместе с братьями и матерью продал застенки Дашковский чашнику минскому Казимиру Матушевичу (Ibidem, арк. 96 адв.) – деду известного мемуариста Мартина Матушевича.

⁶⁸ Ibidem, ф. 319, воп. 2, спр. 3271, арк. 86. Примечательно, что практически в то же время (в 1788 г.) Живицкие (бывшие Живицы) получили свидетельство залогового держателя фольварка Отцеда судьи земского новгородского Францишка Яблонского об утрате оригинала привилея Петру Живицкому. Очевидно, такая активность в подтверждении собственного происхождения и прав была связана с проверками шляхетского происхождения, проводившимися радзивилловской администрацией.

⁶⁹ Ibidem, арк. 1–2, 85 адв.

⁷⁰ Ibidem, КМФ 5, воп. 1, спр. 2813, арк. 10; спр. 2814/2, арк. 5; спр. 2815/2, арк. 8.

⁷¹ Ibidem, КМФ 5, воп. 1, спр. 2812, арк. 6.

⁷² Богдановичами в редких случаях они назывались и во времена Речи Посполитой (Ibidem, ф. 694, воп. 4, спр. 1352, арк. 57–58), но в подавляющем большинстве случаев они писались именно «Богданкевичами». Даже в ревизской сказке 1795 г. их фамилия передана в традиционной форме (Ibidem, ф. 333, воп. 9, спр. 164, арк. 351–358).

сти род от Ежи Богдановича, который в 1662 г. продал (вместе с Яном Богдановичем) имение Низ Минского повета⁷³. Как и в случае Трусевичей, выпись документа из Минского гродского суда была получена достаточно поздно – в 1794 г. В итоге именно форма «Богданович» использовалась представителями рода в дальнейшем.

В целом, большинство жителей Отцеды перешло с боярской на землянскую повинность в 50–60-е гг. XVIII в. Это не вызвало сопротивления со стороны радзивилловской администрации. Более того, в случае Прибыткевичей (Прибытков) и Живиц (Жиивицких) бывшие бояре получили привилегии, закреплявшие их новоприобретенный землянский статус. Переход в земляне, кроме фактора социального престижа, имел и материальный аспект. В соответствии с инвентарями 50-х гг. XVIII в. земляне в Отцедде платили меньший чинш (поконщину) за пользование землей, чем бояре⁷⁴. Однако и владельцам фольварка уже не нужен был традиционный боярский функционал – в те же 50-е гг. они были освобождены от стандартных боярских повинностей (в том числе, доставки грузов и корреспонденции) и переведены на денежный налог, дополняемый традиционной для бояр сдачей части меда на господский двор.

Крестьяне-слуги фольварка Быстрица⁷⁵, относившегося к Тимковичскому графству, также еще в 40–50-е гг. XVIII в. находились на боярских повинностях. Как и в случае Отцеды, большинство местных бояр к этому времени находилось на достаточно внушительном чинше (60 злотых с волоки), а доставкой корреспонденции не занималось⁷⁶. В инвентарях 70–80-х гг. XVIII в. большая часть быстрицких бояр уже считалась землянами⁷⁷. При этом переход на землянскую службу, очевидно, не сопровождался получением каких-либо документов для отдельных родов. В данном владении наблюдалась ситуация, когда часть рода находилась на землянских повинностях, а другая относилась к чиншевым крестьянам. Например, в 1783 г. в таком положении пребывали бывшие бояре Есьманчики (Есьманы)⁷⁸. Однако в XIX в. обе ветви рода – и земляне, и чиншевые крестьяне – вместе претендовали на шляхетство и производили в 1802 г. общий вывод. В нем упомянуты потомки как землян Янки и Семена Есьманчиков, так равно и крестьянина Микиты (последний,

⁷³ Ibidem, ф. 319, воп. 2, спр. 194, арк. 21–22 адв., 81–84.

⁷⁴ Например, в 1757 г. с землянской волоки брался налог в размере 24 злотых, а с боярской – в 35 злотых (Ibidem, КМФ 5, воп. 1, спр. 2815/2, арк. 8). Естественно, земляне должны были в случае необходимости также выставлять по 1 конному воину с каждых пяти волок земли.

⁷⁵ Ныне Быстрица (белорус. Быстрыца) – агрогородок Блевчицкого сельсовета Копыльского района Минской области Республики Беларусь.

⁷⁶ Небольшая группа бояр, по-прежнему занимавшаяся перевозками, платила меньше – по 20 злотых. В отличие от отцедовских бояр, их быстрицкие собратья не были освобождены от натуральных податей и гвалтов (НГАБ, ф. 694, воп. 2, спр. 568, арк. 37–37 адв., 50 адв.).

⁷⁷ Ibidem, ф. 694, воп. 2, спр. 567, арк. 48 адв.–51; спр. 8437, арк. 38 адв.–40, 45 адв.

⁷⁸ Ibidem, арк. 49 адв.–50. Более того, один из Есьманчиков (Яков) вообще относился к тяглым поданным.

правда, именован на более «шляхетский» манер – Никодемом)⁷⁹. Естественно, в выводе единственным вариантом родовой фамилии стала более подходящая для шляхты форма «Есьман». Отсутствие документов вынудило Есьманов воспользоваться выводом панского рода Есьманов, произведенным в Литовской губернии в 1799 г., и приписать себе происхождение от жившего в конце XVII в. полоцкого городничего Владислава Есьмана⁸⁰, что, безусловно, не соответствовало действительности. Такой подход оказался успешным: бывшие бояре достаточно рано – в 1836 г. – получили указ об утверждении их в дворянском достоинстве Герольдией⁸¹.

Отличие от Есьманчиков (Есьманов), еще одни местные бояре, ставшие впоследствии землянами, Шушкевичи легитимации в Российской империи не удостоились. Документы они предоставили достаточно поздно – в 1843–1844 гг. – и стремились доказать, что в XVIII в. их предки владели имением Быстрица и сами являлись собственниками крепостных крестьян⁸². Проситель Павел Шушкевич в 1844 г. называл соответственно своим прадедом, дедом и отцом Андрея-Себастьяна, Доминика-Вавжинца и Габриэля-Базылия, каждый из которых будто бы был помещиком. Такое родословие соответствовало действительности в части имен – в 1740 г. в деревне Быстрица жил боярин Константин Шушкевич, среди сыновей которого упомянут Андрей. В 1753 г. сам Андрей был главой дыма и имел сыновей, одного из которых звали Доминик (Домка). В середине 70-х гг. XVIII в. Доминик и его сын Габриэль уже считались землянами⁸³. Однако никаких подданных они не имели, а держали стандартные боярские надель – от 1/2 до 3/4 волюки.

Если в магнатских (панских) владениях региона бояре как отдельная социальная группа практически исчезли уже к середине XVIII в., то в костельных (церковных) имениях они просуществовали до разделов Речи Посполитой. Правда, в ряде случаев в них бояре к тому времени были практически неотличимы от чиншевых крестьян. Постепенное слияние бояр с чиншевым крестьянством отмечалось в историографии⁸⁴. В экономическом отношении объединение бояр и чиншевых крестьян в одну хозяйственную группу явственно проступает в инвентарях вла-

⁷⁹ НГАБ ф. 319, воп. 1, спр. 32, арк. 776–777 адв.

⁸⁰ Ibidem; НГАБ, ф. 319, воп. 1, спр. 10, арк. 402–407 адв.

⁸¹ Ibidem, ф. 319, воп. 2, спр. 1046, арк. 306–306 адв.

⁸² Ibidem, спр. 3590, арк. 61–62.

⁸³ Ibidem, ф. 694, воп. 2, спр. 567, арк. 50 адв.–51; спр. 568, арк. 6 адв., 46 адв.; спр. 8437, арк. 38 адв.–39, 45 адв.

⁸⁴ W. Wiczorek, *Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w.*, Poznań 1929, s. 88–90; O. Hedemann, *Historja powiatu brasławskiego*, Wilno 1930, s. 83–84; Д. Л. Похилевич, *Крестьяне-слуги в Великом Княжестве Литовском в XVII–XVIII веках*, в: Средние века: сборник, Москва 1962, вып. 21, с. 159–162; Ibidem, *Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII века*, Вильнюс 1966, с. 101–107, 115–116; П. Г. Козловский, *Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII–XVIII в. (по материалам магнатских вотчин)*, Минск 1969, с. 116–118; Ibidem, *Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в.*, Минск 1974, с. 111.

дений Несвижского женского бенедиктинского монастыря – имений Велешин⁸⁵ и Телядовичи⁸⁶ – за 80–90-е гг. XVIII в. Так, в инвентаре Велешина от 1789 г. принадлежность жителей ряда застенков к боярам прослеживается по описаниям их повинностей, где они названы «боярскими». Однако наделы этих бояр уже именуются «чиншевыми»⁸⁷. То же наблюдается в инвентаре имения Телядовичи от 1794 г. Более того, в нем отмечается, что ранее присутствовала неоднородность в повинностях «чиншевиков» – «одни служили гвалты, другие только ездили в дорогу, а иные единственно платили чинш»⁸⁸. Под второй из категорий чиншевых крестьян легко угадываются бояре. По состоянию на 1794 г., они, однако, должны были не только ездить с грузами (прежде всего, в неблизкий Могилев), но также вносить чинш, выполнять гвалты и другие дополнительные повинности⁸⁹. В качестве обыкновенных крепостных велешинские и телядовичские бояре воспринимались и локальным полноправным шляхетским сообществом. По крайней мере, так они характеризовались в 1785 г. во время судебного процесса между Несвижским монастырем и владельцами соседнего фольварка Кунцевщина⁹⁰ Миккульскими⁹¹.

При этом экономическое сближение с чиншевым крестьянством, по-видимому, не отразилось на самосознании и самоопределении бояр костельных и церковных имений. Как и в случае Отцеды, в имениях Несвижского монастыря существовала прослойка бояр, имевших определенные привилегии, полученные от владельцев. В имении Велешин жители застенка Шамы⁹² распорядились «записью на вольность, утвержденной нынешней игуменью»⁹³. В данном случае она не превращала их в земян, но освобождала от большинства обязанностей, свойственных боярам. Льготу также имел Ян Гедринович из застенка Млынари, чем брат Базылий служил экономом в монастырских владениях⁹⁴. Главным образом, однако, отличие местных бояр от крепостных крестьян проявилось в том, что уже в XIX в., при Российской империи, большинство из них получило признание во дворянстве. Этому не помешало даже то, что в 1825 г. против легитимации некоторых из них выступил собственнo Несвижский монастырь бенедиктинок, считавший их своими крепостными

⁸⁵ Ныне Велешино (белорус. Вялешына) – деревня Копыльского сельсовета Копыльского района Минской области Республики Беларусь.

⁸⁶ Ныне Телядовичи (белорус. Цялядавічы) – деревня Бобовненского сельсовета Копыльского района Минской области Республики Беларусь.

⁸⁷ НГАБ, ф. 694, воп. 2, спр. 1208, арк. 4–5.

⁸⁸ НГАБ, Ф. 694, воп. 2, спр. 8986, арк. 13 адв. – 18 адв.

⁸⁹ Ibidem, арк. 18 адв.–19.

⁹⁰ Ныне Кунцевщина (белорус. Кунцаўшчына) – деревня Бобовненского сельсовета Копыльского района Минской области Республики Беларусь.

⁹¹ LVIA, f. 1280, ap. 1, b. 592, l. 47–49 v.

⁹² Ныне Шамы (белорус. Шамы) – деревня Бобовненского сельсовета Копыльского района Минской области Республики Беларусь.

⁹³ НГАБ, ф. 694, воп. 2, спр. 1208, арк. 6 адв.

⁹⁴ *Гербоўнік беларускай шляхты*, Мінск 2016, т. 4, с. 319.

крестьянами. Владелец земли непосредственно высказал сомнения в шляхетстве Гедриновичей (ставших к тому времени Гедроновичами), Ничиперовичей и Тереховичей (Череховичей)⁹⁵. Гедроновичи⁹⁶ и Ничиперовичи стремились вывести себя от шляхты Вилькомирского повета. Вторые из них обладали интересным набором сфальсифицированных документов: при «разборе шляхты» они подавали привилей Жигимонта I от 1502 г. на землю в Вилькомирском повете и лист князя Юрия Олельковича-Слуцкого от 1508 г. на землю Лавы в «Клецкой парафии»⁹⁷. Несложно заметить, что эти документы характеризуются наличием грубых анахронизмов. В 1502 г. великим князем литовским был старший брат Жигимонта I Александр, а Клецкая земля в этот период принадлежала не Олельковичам, а князьям Ярославичам⁹⁸. Интересно, что название Лавы⁹⁹ носил застенек в имении Телядовичи, в котором Ничиперовичи массово проживали¹⁰⁰. Очевидно, они таким образом стремились продемонстрировать свои права на данный застенек. Непонятным, однако, остается, почему он были перенесен в Клецкую парафию. В целом, телядовичские и велешинские бояре, как и представители данной социальной группы из других имений, не могли похвастаться развитым комплексом семейных документов, способных доказать их шляхетское происхождение. Поэтому они прибегали к использованию даже таких грубых подделок. Иногда такая стратегия соединялась с манипуляциями формами фамилий. Кроме отмеченных ранее Гедриновичей (Гедроновичей), Вологи из застенка Голеевщина (имение Велешин) при «разборе шляхты» придали собственной фамилии форму «Воложинские» и, среди прочего, также обратились к несомненному фальсификату – привилею на имение Воложицы, будто бы пожалованному Жигимонтом III в 1589 г.¹⁰¹ Еще одни местные бояре Тереховичи (Череховичи) использовали более сложный способ доказательства принадлежности к благородному сословию. Они позаимствовали схему ранних поколений (за середину XV – первую половину XVIII в.) из родословия носившего ту же фамилию мелкошляхетского рода из околицы Омневичи¹⁰² Новогрудского повета¹⁰³. Как видно, даже отсутствие действительных документов и фактическое

⁹⁵ НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 2251, арк. 100–111; *Гербоўнік беларускай шляхты*, Мінск 2016, т. 4, с. 319–327.

⁹⁶ *Ibidem*, с. 324–325.

⁹⁷ НГАБ, ф. 319, воп. 1, спр. 915, арк. 244–248 адв.; воп. 2, спр. 2251, арк. 108–111.

⁹⁸ J. Wolff, *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*, Warszawa 1895, s. 155–157.

⁹⁹ Ныне Лавы (белорус. Лавы) – деревня Бобовненского сельсовета Копыльского района Минской области Республики Беларусь.

¹⁰⁰ НГАБ, Ф. 694, воп. 2, спр. 8986, арк. 15 адв.–16; спр. 8987, арк. 7 адв.–8.

¹⁰¹ *Гербоўнік беларускай шляхты*, Мінск 2014, т. 3, с. 119–122.

¹⁰² Ныне Омневичи (белорус. Амневічы) – деревня Брольнянского сельсовета Новогрудского района Гродненской области Республики Беларусь.

¹⁰³ НГАБ. Ф. 319, воп. 1, спр. 130, арк. 737–744 адв.; воп. 2, спр. 3208, арк. 150–150 адв.

нахождение в положении чиншевых крестьян не воспрепятствовало тому, что местные бояре начали в XIX в. процедуру доказательства собственного шляхетского происхождения.

Еще одним церковным владением, населенным боярами, являлось Печуранское войтовство, в которое входили две деревни – собственно Печураны¹⁰⁴ и Левнищевичи (иначе Мысли)¹⁰⁵. В XVIII в. оно относилось к «столовым имениям» униатских митрополитов. Сохранились два инвентаря войтовства – за 1748 и 1786 гг.¹⁰⁶, позволяющие проследить состав населения и его повинности в заключительный период существования Речи Посполитой. В 1748 г. единственной упомянутой повинностью печуранцев являлся чинш, выдаваемый ими коллективно (300 злотых с 34 дымов в Печуранах и 7 в Левнищевичах)¹⁰⁷, в 1786 г. – чинш был разверстан на отдельные хозяйства (по 40 злотых с каждого), кроме того, бояре должны были участвовать в транспортировке грузов из Кенигсберга в расположенный на Киевщине Радомышль (до Печуран их довозили бояре из другого митрополичьего имения – Руты)¹⁰⁸.

В ряду жителей Печуран и Левнищевичей выделяются несколько наиболее разветвленных родов – Денисевичи, Ермаковичи, Журиды, Мысли и Тарасевичи. Представители большинства из них совершили первый шаг в деле закрепления в шляхетском сословии в 1796 г., когда были внесены в список шляхты Несвижского уезда Минской губернии¹⁰⁹. Тарасевичи с традиционной формой фамилии были записаны в нем как чиншевая шляхта, Денисевичи в этот перечень не попали, а другие роды «подкорректировали» свои фамилии, что, как показано ранее, было широко распространено в боярской среде. Журиды стали Жавридами (дети и внуки Данилы и Стефана в 1786 г. показаны в инвентаре как Журиды, а в 1796 г. уже как Жавриды). В свою очередь, Мысли в 1796 г. были записаны как Мусницкие, а Ермаковичи обозначили себя как Ярмолинские¹¹⁰. Кроме одинакового места жительства (все они продолжали числиться в Печуранах и Левнищевичах), тождественность этих людей проявляется в именах и составе семей. Например, в 1786 г. в Левнищевичах жил боярин Ян Мысля с сыновьями Алесем и Юзефом, в 1796 г. там же фик-

¹⁰⁴ Ныне Печураны (белорус. Печураны) – деревня Потейковского сельсовета Копыльского района Минской области Республики Беларусь.

¹⁰⁵ Ныне Мысли (белорус. Мыслі) – деревня Потейковского сельсовета Копыльского района Минской области Республики Беларусь.

¹⁰⁶ НГАБ, ф. 531, воп. 1, спр. 161, арк. 1260 адв.–1261, 1300 адв.–1303.

¹⁰⁷ Ibidem, арк. 1260 адв.–1261.

¹⁰⁸ Ibidem, арк. 1303 адв.–1304 адв.

¹⁰⁹ После 1797 г. Печураны и Левнищевичи вошли в состав Слуцкого уезда.

¹¹⁰ НГАБ, ф. 319, воп. 1, спр. 6, арк. 38 адв.–45, 85 адв.–88, 136–139, 161 адв.–162

сируется чиншевой шляхтич Ян Сильвестрович Мусницкий с такими же старшими сыновьями¹¹¹. В 1786 г. в Печуранах показан боярин Теодор Ермакович с сыном Прохором, в 1796 г. это уже чиншевой шляхтич Тодор Стефанович Ярмолинский (с таким же старшим сыном)¹¹².

Список шляхты 1796 г. составлялся во время подачи местной шляхтой сведений о себе на рассмотрение уездных предводителей дворянства (маршалков), для включения в него требовалось представить документы о благородном происхождении. Очевидно, печуранские бояре ими не располагали. В инвентаре от 1748 г. отмечалось, что землю они держат не на основании документов, а «со слов местного войта»¹¹³. В XIX в. Ярмолинские (бывшие Ермаковичи) и Тарасевичи при «разборе шляхты» в качестве доказательства апеллировали к свидетельству администратора митрополичьих имений Францишка Росточкого, данному 15 сентября 1795 г. печуранским боярам, что они являются «шляхтой по рождению», а их документы утеряны¹¹⁴. Это свидетельство известно только в выписи из книг Слуцкого земско-поветового суда, поэтому нельзя исключать возможности, что оно могло быть сфальсифицировано. Но сам факт отсутствия у печуранцев любых действительных документов, подтверждавших их шляхетское происхождение, несомненен. Именно нехватка доказательств вынуждала их исказить родовые фамилии. Это явно прослеживается на примере Ермаковичей-Ярмолинских. При легитимации в 1815 г. они выводили себя от Яна Ярмолинского, получившего в середине XVII в. королевские пожалования в Черниговском воеводстве¹¹⁵. Больше никаких документов у них не имелось. Сложно сказать, откуда они взяли документы на имя Ярмолинских, но именно их наличие вызвало изменение фамилии. Похожую схему применили земляне Ярмолицкие, проживавшие в радзивилловском Слуцком княжестве (преимущественно в застенках Радково¹¹⁶ Прусского двора и Сорог¹¹⁷ Уречского двора). Они также начали выводить себя от Яна Ярмолинского и в итоге модифицировали фамилию¹¹⁸. Общая стратегия смены фамилии печуранскими боярами Ермаковичами и слуцкими землянами Ярмолицкими вынуждает поднять вопрос о возможности

¹¹¹ Ibidem, арк. 85 адв.–86.

¹¹² Ibidem, арк. 40 адв.–41.

¹¹³ НГАБ, ф. 531, воп. 1, спр. 161, арк. 1260 адв.

¹¹⁴ Ibidem, ф. 319, воп. 1, спр. 62, арк. 571 адв.–572; спр. 82, арк. 4–5.

¹¹⁵ Ibidem, ф. 319, воп. 1, спр. 62, арк. 567 адв.–568.

¹¹⁶ Ныне Радково (белорус. Радкава) – деревня Краснодворского сельсовета Солигорского района Минскаой области Республики Беларусь.

¹¹⁷ Ныне Сорог^і (белорус. Сорагі) – деревня, центр Сорогского сельсовета Слуцкого района Минской области Республики Беларусь.

¹¹⁸ НГАБ, ф. 319, воп. 2, спр. 3790, арк. 1–10 адв., 142–145 адв., 200.

их общего происхождения. Он становится еще более актуальным, если принять во внимание, что в конце XVII в. в расположенном недалеко от Печуран копильском застенке Каменка¹¹⁹ жили земляне Ярмолицкие, а после Северной войны они там не упоминаются¹²⁰. Возможно, копильские Ярмолицкие переселились в Печураны, где по каким-то причинам их фамилия трансформировалась в «Ермаковичи». Однако такая версия вызывает сомнения. Уже в 1748 г. Ермаковичи были в Печуранах необычайно разветвленным родом – они обозначены хозяевами в 16 дымах (впрочем, некоторые дымы могли принадлежать одним и тем же людям)¹²¹. Такая многочисленность, вероятно, свидетельствует об их традиционном и продолжительном проживании в Печуранах.

Несколько сложнее происходила смена фамилии в случае рода Мыслей. Как уже отмечалось, в 1796 г. они записались Мусницкими, но при подаче вывода в 1806 г. уже фигурировали как Мыслицкие¹²². В этом случае изменение фамилии обуславливалось тем, что вывод они производили сообща с Мыслицкими, относившимися к землянам Клецкого княжества. В качестве своего предка левнищевичские Мысли-Мыслицкие называли клецкого землянина Яна Мыслицкого и его сыновей Миколая, Александра и Антония. Такое родословие имело искусственный характер. Так, сыном Миколая Яновича Мыслицкого в выводе назван левнищанин Павел Мысля-Мыслицкий. В действительности, как явствует из шляхетских списков от 1796 г., он являлся сыном Сильвестра Мысли. Последний в 1748 г. (с именем в форме Сильвей) держал меньше волоки земли в Левнищевичах. То же наблюдается в случае Базылия Мысли – в выводе он назывался сыном того же Миколая, на самом деле его отцом был Константин, в 1748 г. державший половину волоки в Левнищевичах (записан как Костусь)¹²³. Однако нельзя исключать, что клецкие Мыслицкие были как раз ответвлением печуранских Мыслей. В инвентарях Клецкого княжества XVII в. носители этой фамилии не встречаются¹²⁴, возможно, они перебрались в Клецкое княжество именно из Печуранского войтовства.

Менее сложный способ легитимации избрали Журиды. В 1802 г. они представили общий вывод с землянами Жавридами (фамилию которых и взяли) из соседнего

¹¹⁹ Ныне Каменка (белорус. Каменка) – деревня Копильского сельсовета Копильского района Минской области Республики Беларусь.

¹²⁰ НГАБ, ф. 27, воп. 6, спр. 2, арк. 61 адв.–62.

¹²¹ Ibidem, ф. 531, воп. 1, спр. 161, арк. 1260 адв.–1261.

¹²² Ibidem, Ф. 319, воп. 1, спр. 40, арк. 135–140 адв.

¹²³ НГАБ, ф. 319, воп. 1, спр. 6, арк. 85 адв.–86; ф. 531, воп. 1, спр. 161, арк. 1261.

¹²⁴ В. С. Пазднякоў, *Клецкая шляхта XVI–XVII стст. (спісы)*, „Беларускі археаграфічны штогоднік” 2014, вып. 15, с. 289–293; НГАБ, ф. 694, воп. 2, спр. 6085, арк. 11 адв.–14.

имения Грозов¹²⁵ и в итоге были утверждены во дворянстве¹²⁶. Сами грозовские Жавриды являлись выходцами из панцирного боярства¹²⁷ и только в XVII в. достигли земьянского статуса, поэтому определенные ветви рода могли так и остаться на боярской службе.

В выводе Тарасевичей от 1817 г. четыре брата (Григорий, Антоний, Симон и Прохор) назывались сыновьями речичского шляхтича, залогового держателя фольварка Петровичи Яна Тарасевича¹²⁸. То, что они были сыновьями Яна, подтверждается списком шляхты от 1796 г.¹²⁹. Однако в действительности их отцом являлся показанный в инвентаре от 1748 г. печуранский боярин Ян (Янко) Тарасевич¹³⁰. Еще одной достойной внимания особенностью легитимации Тарасевичей из Печуран был выбор человека, от имени которого производился вывод (иными словами, лица, фактически ходатайствовавшего о признании рода во дворянстве). В случае Тарасевичей им стал Ян Антониевич¹³¹. Его отец Антоний в 1786 г. занимал должность печуранского войта¹³². Вероятно, именно их семья считалась неформальным лидером всего клана, поэтому ее представитель занялся сбором документов для подтверждения шляхетства в Российской империи.

В свою очередь, Денисевичи выводили себя от соответствующего рода, происходящего с Подляшья (на что указывают представленные ими метрические выписки из подляшских костелов)¹³³. На самом деле Денисевичи (Пилип и Петрус) были печуранскими боярами уже в 1748 г.¹³⁴.

Таким образом, все наиболее разветвленные роды печуранских бояр в первой трети XIX в. удостоились первичной легитимации и, тем самым, вошли в состав шляхетского сообщества Минской губернии¹³⁵. Показательно, что соседствующими землянами они воспринимались как близкие или даже равные себе по статусу. На это указывает то, что бояре, как в случае Журидов и Мыслей, доказывали шляхетство совместно с землянами.

¹²⁵ Ныне Грозово (белорус. Грозава) – агрогородок, центр Грозовского сельсовета Копыльского района Минской области.

¹²⁶ НГАБ, ф. 319, воп. 1, спр. 32а, арк. 235–238 адв.; воп. 2, спр. 1056, арк. 218; Я. С. Глинскі, *Зямьянская супольнасць вёсак Вужа і Пракокаўшчына Слуцкага княства ў другой палове XVII – першай трэці XIX ст.*, „Архіварыус” 2017, вып. 15, с. 202–204.

¹²⁷ W. Sienkiewicz, *Ziemiaństwo zależni...*, s. 180.

¹²⁸ НГАБ, ф. 319, воп. 1, спр. 82, арк. 444 адв.–445; воп. 2, спр. 3194, арк. 1.

¹²⁹ *Ibidem*, ф. 319, воп. 1, спр. 6, арк. 136 адв.–138.

¹³⁰ *Ibidem*, ф. 531, воп. 1, спр. 161, арк. 1260 адв.

¹³¹ *Ibidem*, ф. 319, воп. 1, спр. 82, арк. 444.

¹³² *Ibidem*, ф. 531, воп. 1, спр. 161, арк. 1301 адв.–1302.

¹³³ *Гербоўнік беларускай шляхты*, Мінск 2018, т. 5, с. 279–280.

¹³⁴ НГАБ, ф. 531, воп. 1, спр. 161, арк. 1240 адв.

¹³⁵ Впрочем, не все сумели в нем закрепиться. Например, Тарасевичей не утвердил во дворянстве Департамент Герольдии Сената Российской империи (см. *Ibidem*, ф. 319, воп. 2, спр. 3206).

Как видно, на протяжении XVIII в. значительная часть боярского населения несвижского-случцкого региона была переведена на земянскую службу, что уже в XIX в. открыла для нее путь в состав шляхетского сословия¹³⁶. Со стороны администрации имений, в которых проживали бояре, мероприятия по их переводу в земяне обуславливались постепенной утратой необходимости в повинностях, традиционно выполняемых боярами. Нередко их обязанности сливались с земянскими, в свою очередь, в конце XVIII в. часть бояр уже мало отличалась от чиншевого крестьянства. Для закрепления в рядах земян, а затем и полноправной шляхты боярам приходилось прибегать к мистификации собственного происхождения, которая проявлялась в приписывании себя к другим родам, изменении фамилий, использовании сфальсифицированных документов.

Библиография

Архивные источники

Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA), f. 1280, ap. 1, b. 592, 1217, 1218.

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ), фонд 27, вопіс 6, справа 2; фонд 319, вопіс 1, справы 6, 10, 32, 32а, 40, 62, 82, 130, 809, 812, 915; вопіс 2, справы 194, 224, 790, 1046, 1056, 1869, 2251, 2631, 3194, 3206, 3208, 3269, 3271, 3590, 3790; фонд 333, вопіс 9, справы 164, 210; фонд 531, вопіс 1, справа 161; фонд 694, вопіс 2, справы 567, 568, 1208, 6085, 6089, 8437, 8986, 8987; вопіс 4, справы 1343, 1352, 1421; вопіс 7, справа 994; фонд 1727, вопіс 1, справа 32; КМФ 5, вопіс 1, справы 1385, 1697, 2401, 2484, 2485, 2487, 2489, 2491/1, 2492/1, 2666, 2670/2, 2672/2, 2675/2, 2812, 2813, 2814/2, 2815/2, 4014, 4070, 4316/1.

Литература

Hedemann O., *Historja powiatu brasławskiego*, Wilno 1930.

Siekierski M. M., *Landed Wealth in the Grand Duchy of Lithuania. The Economic Affairs of Prince Nicholas Christopher Radziwiłł: Dissertation of Doctor of Philosophy*, Berkeley 1984.

Sienkiewicz W., *Ziemiańskie zależni w Wielkim Księstwie Litewskim od połowy XVII do połowy XVIII wieku. Studium z dziejów feudalizmu litewskiego: maszynopis pracy doktorskiej*, Warszawa 1982.

Sikorska-Kulesza J., *Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku*, Warszawa 1995.

Vasiliauskas A., *Local Politics and Clientage in the Grand Duchy of Lithuania 1587–1632: Ph. D. Thesis*, London 2001.

¹³⁶ Сословная политика Российской империи традиционно и небезосновательно характеризуется как враждебная по отношению к мелкой, часто безземельной шляхте (см. J. Sikorska-Kulesza, *Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku*, Warszawa 1995, s. 5–8; В. С. Макаревич, *Разбор шляхты ў беларускіх губернях Расійскай імперыі (канец XVIII – XIX ст.)*, Мінск 2018, с. 113–170). Тем не менее, пример бояр показывает, что «разбор шляхты» мог давать возможность для закрепления в составе высшего сословия представителей групп населения с весьма сомнительным шляхетским родословием.

- Wieczorek W., *Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w.*, Poznań 1929.
- Wolff J., *Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*, Warszawa 1895.
- Анищенко Е. К., *Шляхта Брестского воеводства. Список XVIII ст.*, Минск 2011.
- Гербоўнік беларускай шляхты*, Мінск 2007, т. 2.
- Гербоўнік беларускай шляхты*, Мінск 2014, т. 3.
- Гербоўнік беларускай шляхты*, Мінск 2016, т. 4.
- Гербоўнік беларускай шляхты*, Мінск 2018, т. 5.
- Гісторыя сялянства Беларусі*, Мінск 1997, т. 1.
- Глінскі Я. С., *Зямлянская супольнасць вёсак Вужа і Праарокаўшчына Слуцкага княства ў другой палове XVII – першай трэці XIX ст.*, „Архіварыус” 2017, вып. 15, с. 197–233.
- Грицкевич А. П., *Хозяйственное и правовое положение военно-служилого населения в Слуцком княжестве в XVI–XVIII вв.*, „Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.”, Минск 1964, с. 242–253.
- Доўнар А. Б., *Сяляне-служы Беларусі другой паловы XVI – сярэдзіны XVIII ст.*, Мінск 2007.
- Забела Т. І., *Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства*, Менск 1928.
- Козловский П. Г., *Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII–XVIII в. (по материалам магнатских вотчин)*, Минск 1969.
- Козловский П. Г., *Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в.*, Минск 1974.
- Лойка П. А., *Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі. Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI–XVIII ст.*, Мінск 1991.
- Макарэвіч В. С., *Разбор шляхты ў беларускіх губернях Расійскай імперыі (канец XVIII – XIX ст.)*, Мінск 2018.
- Пазднякоў В. С., *Клецкая шляхта XVI–XVII стст. (спісы)*, „Беларускі археаграфічны штогоднік” 2014, вып. 15, с. 275–294.
- Похилевич, Д. Л. *Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII века*, Вильнюс 1966.
- Похилевич Д. Л., *Крестьяне-слуги в Великом Княжестве Литовском в XVII–XVIII веках, в: Средние века: сборник*, Москва 1962, вып. 21, с. 141–169.
- Урублеўскі В. В., *Інвентар маёнтка Святы Двор Наваградскага ваяводства за 1756 г.*, „Архіварыус” 2011, Вып. 9, с. 100–108.
- “To become the gentry”: bojars of the Niasviž-Sluck region in the eighteenth and early nineteenth centuries

“To become nobility”: boyars of the Nesvizh-Slutsk region in the 18th and early 19th centuries

Summary: The article explores the process of the adoption by bojars (peasants-servants responsible for the delivery of goods and correspondences) of ziemianie duties in private and church estates in the Niasviž-Sluck region in the eighteenth century. It examines the possibilities of the transition and reveals

that in the estates of Dukes Radziwiłłs the majority of the bojars changed to ziemianie duties in the mid-eighteenth century. In the church estates bojars as a separated group remained until the late eighteenth century while their duties gradually merged with the quit-rent peasantry. Despite the predominantly peasant origin of bojars, their attainment of the ziemianie status allowed them to be recognised as the fully-fledged gentry. In the nineteenth century, during “the verification of the gentry” carried out by Russian authorities, some part of the bojars managed to secure the gentry status, usually due to the mystification of their own origin and falsification of the documents confirming their affiliation to the gentry. In some cases families of bojar origin had to change their last names.

Keywords: bojars, ziemianie, gentry, the Radziwiłłs, inventories, “the verification of the gentry”, legitimisation